

ИГОРЬ АНДРУШКЕВИЧ

Главный редактор журнала «Кадетская переключка»

Родился 31 июля 1927 года в Белграде (Сербия) в семье русских белых эмигрантов. В 1938 году поступил в Первый русский Великого князя Константина Константиновича кадетский корпус в Белой Церкви (Югославия, быв. Сербия). Кроме своей основной деятельности на производстве, более тридцати лет преподавал для детей русских эмигрантов историю России и обществоведение в старших классах русской субботней гимназии Организации российских юных разведчиков. В 1960–70-е годы был членом Епархиального Совета Аргентинско-Парагвайской Епархии Русской Православной Церкви Заграницей, членом правления Русской Православной Конгрегации в Аргентине и личным секретарём архиепископа Буэнос-Айресского Леонтия (Филипповича). В 2002 году стал ответственным редактором журнала «Кадетская переключка» (350 страниц), издаваемого Кадетским объединением в Нью-Йорке. В 1995 году в Буэнос-Айресе выпустил сборник из шестнадцати статей журнала на политические и экономические темы под названием «Великая смута».

Журнал «Кадетская переключка», активно издававшийся Объединением русских зарубежных кадет с 1971 года, в 2009 году прекратил своё существование. В связи с этим, а также с выходом восьмидесятого номера «Кадетской переключки» мы посчитали необходимым познакомить читателей нашего альманаха с историей журнала, изложенной в редакционной статье, и опубликовать статью главного редактора Игоря Николаевича Андрушкевича «Коренные противоречия западной цивилизации» («Кадетская переключка», 2009, № 80).

ВОСЬМЕДЕСЯТ НОМЕРОВ «КАДЕТСКОЙ ПЕРЕКЛИЧКИ»

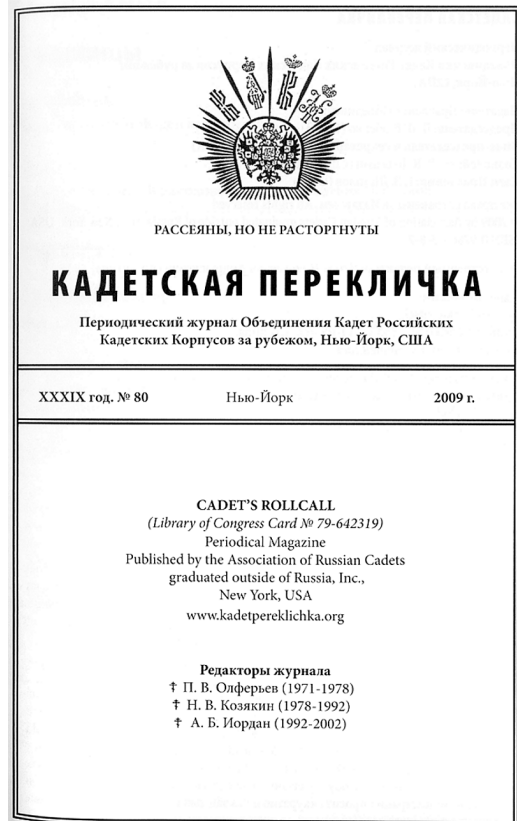
Настоящий, восьмидесятый номер «Кадетской переключки», выходящий в 2009 году, является знаменательным по нескольким причинам. Во-первых, такая цифра невольно обращает на себя внимание. Во-вторых, в 2009 году исполнилось тридцать восемь лет со дня основания этого журнала. Но, самое главное, восьмидесятый номер журнала будет, по всей вероятности, последним выпуском «Кадетской переключки». Ведь «Кадетская переключка» является журналом, вестником, ведомостями и летописью Объединения русских зарубежных кадет, жизнь каковых подходит к своему естественному завершению.

В связи с этим встаёт вопрос: достигли ли кадетские зарубежные объединения и их печать, в том числе и «Кадетская переключка», за их ограниченный исторический пробег тех целей, которые они перед собой ставили?

Конечно, сами эти цели и задачи всегда были сложными и многогранными, а посему и нелёгкими. Несомненно, главным стержнем всех этих задач, всегда стоявших перед русскими зарубежными кадетами, было спасение, через бережливое хранение, русских воинских и, в частности, кадетских традиций, с целью своевременной возвратной передачи в Россию. Задача эта была весьма тяжёлой, даже, можно сказать, непосильной для скромных сил в общем незначительной горсточке русских зарубежных кадет. Главным образом потому, что осуществление этой задачи в основном зависело не от самих кадет, а в значительной мере от общих исторических обстоятельств, кадетам неподвластных. Однако, как было сказано при открытии 15-го Кадетского съезда в 1996 году в г. Сан-Франциско, кадеты всё же являли собой очередной пример древнего ветхозаветного прототипа «делателей истории». Например, согласно Ветхому Завету, для победы над филистимлянами пророк Гедеон сперва отобрал из множества бойцов самых храбрых, а затем из них — малое число самых терпеливых и настойчивых, ибо только терпеливые и упорные одерживают исторические победы, так как они согласны всё претерпеть для достижения стоящей перед ними цели.

В этом отношении можно без излишней скромности отметить исключительные выносливость, постоянство и терпение русских зарубежных кадет, в смысле их верности своему служению. Скромным примером и свидетельством такого твёрдого и верного стояния на своих убеждениях, несомненно, является также и почти сорокалетнее непрерывное и регулярное издание «Кадетской переключки» в чрезвычайно тяжёлых — походных — условиях политической эмиграции.

Уже в третьем номере «Кадетской переключки» 1972 года первый редактор журнала П. В. Олферьев в своей передовице цитирует полуженное им письмо от А. А. Геринга, тогдашнего председателя Кадетского объединения в Париже: «Всё, что мы делаем в этой области, мы делаем не для себя и не для нашего старческого „услаждения“, а для будущей России. Да ведают будущие строители будущей России, какова была старая Россия и каковы

были её служители, когда они волею судеб попали в эмиграцию... Нужно показать будущим поколениям, как мы жили, как мы в тяжёлых условиях эмиграции продолжали свою службу Отечеству...»

«Кадетская переключка» до сих пор имела четырёх редакторов. Первым редактором был Павел Васильевич Олферьев, кадет 14-го выпуска Первого русского Великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса, являвшийся одним из основателей Нью-Йоркского кадетского объединения и бывший его председателем более десяти лет. Во втором номере журнала 1972 года П. В. Олферьев сформулировал хронологически первую задачу «Кадетской переключки»: «Наш журнал был задуман с чисто историко-литературным содержанием». Под редакцией П. В. Олферьева вышло 18 номеров журнала. В 1977 году он тяжело заболел и скончался в 1983 году.

С девятнадцатого номера редактором стал Николай Васильевич Козякин, кадет 8-го выпуска Крымского кадетского корпуса, инженер-строитель, посвящавший всё своё свободное время в течение всей своей жизни русской национально-патриотической деятельности. Как писал в передовице журнала в номерах 60–61 его третий редактор А. Б. Иордан, именно при Н. В. Козякине «Кадетская переключка» «превратилась в орган русской политической и национально-патриотической мысли». А. Б. Иордан цитирует слова Н. В. Козякина в кругу своих друзей за несколько месяцев до его кончины: «Мы обязаны сделать всё возможное, чтобы передать соотечественникам в России те ценности, что мы сумели сохранить и приумножить в течение более чем семидесяти лет эмиграции. Наш враг — не люди, а система...»

Пятидесятый номер был последним выпущенным Н. В. Козякиным. После его смерти в 1992 году три номера журнала (51, 52 и 53) были выпущены при помощи П. А. Муравьёва, литератора, автора многих книг, брата тогдашнего вице-председателя Нью-Йоркского кадетского объединения С. А. Муравьёва.

В дальнейшем третьим редактором журнала стал Алексей Борисович Иордан, вице-фельдфебель 21-го выпуска Первого РВККККК, а администратором — Ю. И. Шидловский. До этого администраторами были М. Михеев, В. Глинин и Е. Гирс. А. Б. Иордан скончался 21 августа 2002 года. С семьдесят четвёртого номера (2003 год) редактором «Кадетской переключки» стал Игорь Николаевич Андрушкевич при прежнем администраторе Ю. И. Шидловском.

В «Кадетской переключке» за эти почти сорок лет писало очень много русских зарубежных кадет, ибо это был их соборный орган для их военной переключки, во исполнение девиза «Разсеяны, но не расторгнуты». Среди них особенно выделялись русские зарубежные кадетские писатели, поэты, публицисты и журналисты: А. Стацевич, И. Автомонов, П. Пагануцци, Б. Ганусовский, С. Третьяков, К. Бертье де ла Гард, кн. Н. Кудашев, П. Олферьев, Н. Козякин и многолетний председатель Нью-Йоркского

объединения Г. Сперанский. Лишь в последних номерах журнала стали публиковаться статьи авторов с «большой русской земли», наряду с авторами русского зарубежья, в полной гармонии и единомыслии между теми и другими, в соответствии с национально-патриотическим духом журнала.

Следуя заветам и указаниям второго редактора Н. В. Козякина, журнал в последние годы особенно старался выражать русскую национально-патриотическую мысль, при одновременных соответствующих историко-политических анализах. Ввиду сложности и громоздкости такой задачи идейно-интеллектуальное завещание «Кадетской переключки» может быть правильно и полностью расшифровано только лишь при учёте всего его содержания, всех его восьмидесяти номеров. Особенно к последним номерам «Кадетской переключки» надо относиться как к единому органическому целому.

Однако в процессе этих заключительных анализов результатов проделанной нами огромной работы мы сами, русские зарубежные кадеты, а также и наши братья в России иногда подпадаем под искушение воспринимать сложные исторические процессы как последствия каких-то ритуальных жестов или даже заклинаний, нередко даже принимающих некоторый магический оттенок, несмотря на их всё-таки, в основном, декоративную сущность. В частности, и к нашим зарубежным кадетским съездам тоже иногда предъявлялись требования «передавать традиции», причём чуть ли не в рамках одной какой-нибудь церемонии. Интересно, что при этом почти одновременно иногда раздавалась глухая критика именно этих самых наших «церемоний», каковым мы якобы слишком привержены. Суть церемоний заключается в том, что мы на них публично и гласно исповедуем и открыто провозглашаем наши общие соборные верования и убеждения и этим самым подтверждаем свой отказ от мистериальных, конспиративных или просто скрывааемых побуждений и стремлений. Мы высказываем всё, а того, чего мы не высказываем, мы и не намереваемся добиваться. На церемониях мы поём наши православные христианские молитвы, древний византийский гимн «Спаси, Господи, люди Твоя» (содержащий молитву о Христолюбивом воинстве), русский исторический гимн «Боже, царя храни» и русский кадетский гимн «Наш полк». Исполняется, в случаях если это полагается, также и государственный гимн того государства, на территории которого происходит церемония.

В старину, чтобы быть принятым в среду запорожских казаков, от кандидата требовалось прочесть вслух перед всеми молитву «Отче наш» и христианский Символ веры (в его оригинальном православном никейско-цареградском, а не реформированном варианте). Без этого стать казаком было абсолютно невозможно. Однако «передача традиций» в данном случае происходила не в самый момент чтения вслух молитв, а до этого, во время их изучения и восприятия. Для сравнения приходит на память одно повествование о передаче окончательных секретов «Каббалы» посвящаемому кандидату в «мудрецы»: эти окончательные секреты

можно сообщить (передать) только лишь тому ученику, который уже сам дошёл до них, их раскрыл, освоил и воспринял.

На русских военных церемониях передача традиций происходит автоматически: кто с нами стоит в общем строю, под нашей общей русской символикой и соборно вместе с нами и в единодушии с нашими отцами и праотцами поёт молитвы и гимны, тот уже символически публично приобщился к общему руслу сохраняемых нами традиций. Однако очевидно, что такое приобщение на самом деле уже произошло раньше, в индивидуальном и персональном порядке, но на основании всех имеющихся общих предпосылок. Именно это и имел в виду состоявшийся в 2004 году в Канаде 18-й кадетский съезд, в своей резолюции постановивший: «Идейное и педагогическое завещание русских зарубежных и императорских кадет содержится в печатных изданиях объединений кадет русских кадетских корпусов, публиковавшихся в Русском Зарубежье в течение десятилетий, таких как парижская „Военная Быль“, нью-йоркская „Кадетская переключка“, венесуэльский и сан-францисский Бюллетени, аргентинское „Кадетское письмо“ и т. д., а также и в Резолюциях и Обращениях последних кадетских съездов».

Посему, такой вариант «передачи» русских кадетских заветов и традиций будет нескончаемо продолжаться и после прекращения дальнейшего выпуска всех наших печатных органов, в том числе и «Кадетской переключки».

Согласно словарю Владимира Даля, если «слово вылетит», его уже «не поймашь». Особенно если оно печатное. Судьба каждого слова, в конечном итоге, в основном зависит от его собственного внутреннего содержания и, в первую очередь, от его соответствия Истине и Правде.

КОРЕННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Типичная характеристика

Все исторически значительные цивилизации обладали своими собственными отличительными специфическими характеристиками. Одной из таких типичных характеристик западной цивилизации, несомненно, является провозглашаемый ею *рационализм*, якобы автономный по отношению к тем или иным религиозным верованиям.

Английский историк Арнольд Тойнби считает, что западноевропейская цивилизация и наша восточноевропейская православная цивилизация являются отпрысками эллинистической (греко-римской) цивилизации. Таким образом, согласно Тойнби, обе эти цивилизации являются сёстрами-близнецами. Однако очевидно, что восточноевропейской цивилизации рационализм не присущ в такой же форме, как западноевропейской. Значит, западноевропейская цивилизация выработала эту свою типичную для неё отличительную характеристику как одну из предпо-

сылок и одно из условий для расхождения с православной цивилизацией. Встают два вопроса:

1. Чем отличается отношение к рационализму, и какое место он занимает в этих двух цивилизациях?
2. Как происходил этот процесс расхождения, и на каком этапе этого процесса произошло приобретение западноевропейской цивилизацией своих отличительных характеристик, не совпадающих полностью с характеристиками православной христианской цивилизации?

На первый вопрос можно ответить, что восточноевропейская православная цивилизация в основном сохранила в этом аспекте позицию предшествовавшей ей античной эллинистической культуры, в то время как западноевропейская цивилизация изменила радикально свою исходную позицию в этом вопросе. Известный русский философ, профессор протоиерей Василий Зеньковский, резюмирует это следующим образом:

«Сама античная философия — как это было много раз показано — была в то же время и своеобразным богословием, конечно, соответственно религиозному сознанию античности... Идея „чистой философии“ есть ведь излюбленная *фикция* у мыслителей *Нового времени*, которые нередко переносят эту фикцию и в античный мир... Идея „чистой философии“ есть вообще *выдумка* и создание мыслителей христианской эпохи... Это произошло *на Западе*, — христианский Восток не повинен в этом трагическом и двусмысленном факте... Так или иначе, здесь (на Востоке) чистое бого-слово *не отделялось* от научной и философской мысли... Всё сложилось иначе на Западе... Под куполом Церкви собирались течения и тенденции, внутренне чуждые христианству...» (Зеньковский В. В. Основы христианской философии. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1960. С. 5–6). Ответ на второй вопрос требует подразделения указанного процесса отхождения западной цивилизации от её истоков (а следовательно, и расхождения с православной цивилизацией) на несколько периодов, или фаз.

Отчуждение от Востока

Предварительной фазой этого расхождения был отход западноевропейских политических структур от Восточной Римской империи. Эта фаза длилась практически около четырёх веков: от принятия римским папой в 391 году древнего языческого римского жреческого титула *pontifex maximus* (сразу после отказа императора Восточной Римской Империи Феодосия Великого от этого языческого титула, несовместимого с титулом христианского царя) до незаконного провозглашения римским папой франкского короля Карла Великого императором в 800 году.

За этим отколом Западной Европы от Римской Империи через два с половиной века последовал и раскол в самой Христианской Церкви

в 1054 году. Однако, как об этом пишет Алексей Хомяков, вначале этот раскол не пронизал всю толщу верующих и не был внешне очень заметен. Конечно, процесс отмежевания начался уже тогда, но вначале он шёл очень медленно.

Но сам по себе характер отхода Западной Европы и его Римской Церкви от *соборного согласия* с остальными четырьмя Христианскими Церквями, чьи патриаршие кафедры первоначально находились на территории Восточной Римской Империи, а также и *характер оправданий* этого отхода, недвусмысленно указывали на коренное и существенное *противоречие*, лежащее в самой основе всех обоснований этого раскола.

Дело в том, что под притязаниями на разумность, сиречь *рациональность* западных домислов и доктрин, систематически скрывались логические и фактические *натяжки* и даже *подлоги*, как, например, оправдание папских претензий ссылками на «дар Константина» (Donatio Constantini). Ведь если папские претензии выводить из указов римских императоров в Константинополе, то очевидно, что они не имеют евангельского происхождения. Кроме того, не очень логично выступать против Восточной Римской Империи, на основании постановлений самой этой Империи. Причём, как со временем оказалось, постановлений подложных, грубо сфальсифицированных.

Посему этот первичный казус западноевропейской идеологии уже содержит характерное противоречие между претендуемой рациональностью (разумностью) и некритическим (сиречь нерациональным) отношением к фактам и аргументам. Например, отлучение легатами римского папы Константинопольской Церкви в 1054 году содержит обвинение Восточных Церквей во всех бывших до этого в христианстве ересьях, аккуратно перечисляемых в акте отлучения, что было не только нерационально, но и просто несерьёзно.

Однако именно такая систематическая нерациональная предвзятость по отношению к Востоку, предвзятость, не брезгающая грубыми подтасовками и даже подлогами, с тех пор является характерной для аналогичных западных идеологических экскурсов, вплоть до наших дней. Больше того, такая тенденциозная предвзятость и такое некритическое отношение к фактам и аргументам стали характеристикой, в той или иной мере, практически всех религиозных, философских, идеологических и политических течений, доктрин, сект и партий на Западе. Больше того, уже тогда впервые проявилась тенденция к монтированию виртуальных историй вместо истории реальной. Причём через всю историю Запада проходит красной нитью его главное побуждение для такого мифотворчества и вытекающих из него чёрных легенд: комплекс неприятия отличительных характеристик Востока и стремление к включению Востока в Запад. Однако это очевидный двойной абсурд: Запад нуждается в Востоке, чтобы быть Западом, и, кроме

того, когда больше не будет Востока, также не будет больше и Запада, ибо Запад является Западом лишь по отношению к Востоку.

(Когда Запад перестал претендовать на обоснование своей политической и церковной легитимности с помощью исторического подлога о «даре Константина», был выдвинут очередной, на этот раз терминологический подлог. Если раньше политическая *гегемония Запада* обосновывалась на якобы исключительном религиозном и светском лидерстве папства, то после протестантского раскола с папством идеологическим обоснованием гегемонии Запада стало провозглашение им своего *исключительного обладания* единственной легитимной государственной формой, названной для этого «демократией». Для этого до сих пор упорно настаивается, с помощью прямых искажений оригинальных текстов, что демократия уже в своих истоках обозначала наилучший политический режим, несмотря на то что в классификации Аристотелем всех государственных форм демократия была одной из трёх *искаженных*, сиречь *нелегитимных* государственных форм¹.)

Следующей фазой этого процесса было радикальное отделение на Западе науки от религии. Прот. Василий Зеньковский считает, что это отделение было оформлено в трудах Фомы Аквината (1227–1274), который поместил религию и науки на «разные этажи». С этого практически и начался западноевропейский рационализм, не только автономный по отношению к вере и к религии, но и претендующий на абсолютную от них независимость. «Это учение о самодостаточности естественного разума в познании мира и человека есть в сущности новое, чуждое основным течениям, даже античной мысли, понятие: возвышая Откровение над естественным разумом, Аквинат в то же время рассекает единую целостность познавательного процесса... Он своим решением вышел на новый путь... От Фомы Аквината и нужно вести разрыв христианства и культуры, весь трагический смысл чего обнаружился ныне с полной силой» (Зеньковский. Там же. С. 10–11).

«Начиная с XIII века началось на Западе отделение от Церкви, от Её духовной установки, различных сфер культуры, — впервые проявилось это в области права, <...> а затем в XIV–XV веках это движение с чрезвычайной быстротой стало распространяться на все сферы культуры, на антропологию, философию, науку. В течение двух-трёх веков произошло глубокое изменение в психологии культурного творчества, которое дало торжество свободному, но уже и внецерковному стилю культуры. Этот уход культуры от Церкви имел много различных корней в общем развитии западной истории, но раз начавшись, он вёл и ведёт к отрыву её от Церкви. <...> Религиозная трагедия этим была закреплена надолго — и вся новая история шла и донныне идёт на Западе под знаком принципиального дуализма — христианства и жизни, христианства и культуры, христианства и творчества» (Там же. С. 13).

Отчуждение от действительности

Третьей фазой этого процесса можно считать период после Рене Декарта (1596–1650). «Ничто не характеризует с такой силой новую установку творческого сознания, как то, что в основу философии ставится ныне сомнение, которое устами Декарта провозглашено основным методом и правилом философствующих умов. Сомнение, конечно, может и должно иметь своё место в процессах размышления, но неужели нет прямых источников философии? <...> Сомнение вообще есть ведь вторичная функция ума, всегда направленная на какие-то положительные утверждения...» (*Зеньковский*. Там же. С. 14). Однако такое систематическое сомнение на Западе отнюдь не применяется по отношению к его собственным идеологическим и псевдонаучным домыслам.

Кульминацией этого периода является философия Иммануила Канта (1724–1804). Испанский философ Ортега-и-Гассет считает, что именно Кант произвёл в западной философии и в проистекающих из неё идеологиях Запада переворот, аналогичный *перевороту Коперника* в предыдущих астрономических и космогонических концепциях Западной Европы. (Эти *геоцентрические* западные концепции игнорировали имевшиеся по этому вопросу в Античном мире и на православном Востоке представления. Например, в некоторых древних православных церковных песнопениях поэтически сравнивается центральная роль Христа в нашем спасении с солнцем в нашей системе).

В своём труде «Кант, Гегель, Дильтей» Ортега-и-Гассет пишет: «Человек Древнего мира исходит из чувства доверия к миру, каковой для него является, в первую очередь, *Космосом, Порядком*. Современный же человек исходит из недоверия, из подозрительности, ибо мир для него — Хаос, Беспорядок... Декарт и Кант, две высшие фигуры современной философии, поднимают свой якорь с одинаковым состоянием духа подозрительности. <...> Система Канта и его последователей осталась в истории философии под названием „*идеализма*“ <...> С колоссальной смелостью и упорством белый человек Запада исследовал мир в течение последних четырёх веков с *идеалистической* точки зрения. Он выполнил свою миссию до конца, пробуя все возможности, которые в ней заключались. И он дошёл до конца — он открыл, что это *ошибка*. <...> Это чувство космического страха привело к тому, что, начиная с Канта, немецкая философия перестала быть философией *бытия* и превратилась в философию культуры. Культура — это есть одежда, которую просит Брунгильда, чтобы защитить свою наготу, это размышление, претендующее подменить жизнь. Замечательный труд трансцендентального идеализма ведёт к оборонительному намерению и немного похож на червя, который из своей собственной слюны прядёт кокон... Познание перестаёт быть пассивным *зеркальным отражением действительности* и превращается в *построение*. То, что вульгарно называется действительностью, становится простым сырьём, хаотическим и без всякого смысла, которое *необходимо изваять*, придав ему форму

космоса. Я не думаю, что во всей человеческой истории когда-либо был предпринят переворот более отважный, чем этот. Сам Кант его называет своим „коперниковым подвигом“. Но на самом деле <...> Коперник ограничивается заменой *одной действительности другой действительностью* <...> Кант же *переворачивает* всю действительность, он сбрасывает с себя свою маску „магистра“ и провозглашает диктатуру»² (Jose Ortega y Gasset. Kant, Hegel, Dilthey. Revista de Occidente, Madrid, 1961).

Однако современные научные открытия в области физики опровергают метафизические выводы Канта. Известный немецкий физик-теоретик Вернер Гейзенберг (Werner Heisenberg), один из создателей квантовой механики и автор теории т. н. «*принципа неопределённости*», утверждает: «Если мы сегодня будем сравнивать доктрины Канта с современной физикой, с самого начала возникнет впечатление, что его основная концепция „синтетических суждений априори“ оказалась полностью уничтоженной открытиями нашего века. Теория вероятности изменила наши идеи, которые мы имели о пространстве и времени; в действительности она нам показала совсем новые видения пространства и времени, которых вообще не видно в формах „априори“ чистой интуиции Канта. Закон причинности уже не применяется в квантовой теории, и закон сохранения материи перестал быть истиной по отношению к элементарным частицам. Очевидно, что Кант не мог предвидеть новые открытия, но так как он был убеждён в том, что его концепции будут „фундаментами любой будущей метафизики, могущей называться наукой“, будет интересно узнать, где находилась ошибка его аргументов» (Werner Heisenberg. Fisica y filosofia. Buenos Aires, 1959).

Больше того, Гейзенберг считает, что «большие затруднения для понимания и восприятия концепций современной физики имеют своим корнем предпринятое Декартом разделение Космоса на „рес когитанс“ и на „рес экстенса“ („мыслящая вещь“ и „протяжённая вещь“). Это разделение за три века проникло глубоко в человеческий разум, и потребует много времени для его замещения действительно иной позицией по отношению к реальности»³.

Кульминация противоречий

Кант и все его прямые и косвенные последователи требуют игнорировать действительность, ибо действительность непознаваема. Единственное, что находится вне всякого сомнения, это то, что находится в нашем сознании, в нашем мышлении. Больше того, саму эту действительность необходимо так или иначе подгонять под наши умственные схемы, чтобы её улучшить. Причём на практике для этого даже допускается насилие. Как сказал Ленин: «Если факты против нас, то тем хуже для фактов»⁴.

В данной проблеме заостряется основное противоречие западного рационализма. Ведь если под рационализмом понимать всемогуще-

ство человеческого разума, вплоть до провозглашения его автономности по отношению к лежащей вне человека (вне его разума) действительности, то получается, что все схематические (идеологические) построения этого разума *не нуждаются в экспериментальной проверке* на практике (то есть вне самого разума). Этим макроидеология Запада отказывается от своего прежнего постулата о *необходимости экспериментирования* в области научных исследований. Кроме того, если действительность на самом деле непознаваема для человеческого ума, то в таком случае она также и существенно неизменяема по прихоти этого ума. Такая изоляция и взаимоотчуждённость между разумом и действительностью сегодня тоже опровергнута наукой, в частности теорией Гейзенберга о взаимодействии между наблюдателем (экспериментатором) действительности и этой самой действительностью.

Между прочим, Ортега-и-Гассет считает, что прежние успехи и прогресс западной цивилизации были в своё время многим обязаны её тогдашней тенденции и стремлению к *экспериментированию*, кроме предрасположения к *анализу* (в противоположность предпочтению синтеза на Востоке). Однако если действительность не только непознаваема, но еще и подлежит безоглядным реформам («изъяниям», как говорит Ортега), то этим самым отрицается автономная *эволюция действительности*. Если эволюцию действительности подменять, с одной стороны, насильно внедряемой революцией и, с другой стороны, петрификацией этой самой революции, при этом упорно игнорируя *экспериментальные результаты* таких манипуляций, то даже никакие «перестройки» в последнюю минуту не смогут предотвратить катастрофы. Загон объективной действительности в прокрустово ложе субъективных схем нерационален и неизбежно ведет к катастрофе.

Запад пытается диалектически преодолеть этот аспект своего кардинального противоречия, оправдывая экспериментирование лишь в области так называемых «точных наук», но одновременно избегая всякой исторической (сиречь экспериментальной) *проверки* в области своих идеологий (либерализма, социализма, демократизма и т. д.), каковые возводятся априори в *непререкаемую «истину»*, а также и проверки смежных с ними «социальных наук»: антропологии (дарвинизма), социологии, педагогики, психологии (фрейдизма) и экономики.

Кроме того, современный фундаментализм Запада также игнорирует противоречия и в своём подходе к отдельным выше отмеченным социальным наукам. Например, в антропологии проповедуется безоглядная приверженность к теории так называемого «эволюционизма», якобы ведущего к биологической *селекции*, в то время как в педагогике абсолютно отрицается всякое стремление к публичной селекции для подготовки публичных элит. (Дело в том, что непубличные элиты подготавливаются непублично).

В результате в некоторых из этих областей современной западной культуры достигается максимальное *абстрагирование* искусственных схематических и «виртуальных» построений от всякой реальной действительности,

что неизбежно приводит в тупики. Например, чрезмерное абстрагирование современных финансовых «виртуальных» инструментов от экономической реальной действительности может быть показательным примером таких преувеличений, неумолимо имеющих *ограниченные пробеги*.

В конечном итоге современный рационализм Запада забывает *Истину и Правду*, а также и свой собственный прежний постулат, что «истина есть соответствие разума действительности» (*veritas est adequatio rei et intellectus*). Если без разума нет рационализма, а истинный разум должен соответствовать действительности, то, следственно, подлинный рационализм никак не может игнорировать эту действительность.

Буэнос-Айрес, январь 2009 г.

¹Перечисление этих основных государственных форм и их классификация повторяется несколько раз в произведении Аристотеля «Политика». Самый выпуклый, ясный и краткий вариант этой классификации гласит так: «В первом исследовании различных государственных форм мы различили три правильных строя (орфас политияс): монархия, аристократия и полития (василеиан, аристократиан, политеан), и три отклонения (пареквасис) от них: тирания от монархии, олигархия от аристократии и демократия от политии (тираннида мен василеиас, олигархианде аристократиас, демократиан де политеас)» (Политика, 1289 а).

Л. А. Тихомиров отмечает, что «по-нынешнему» демократию Аристотеля называют «охлократией». Но «демос» и «охлос» были почти синонимами. Так что если «охлос» нехорошо, то и «демос» не лучше. Сегодня на место демократии подтасовывают слово «демагогия». Так, в полном собрании сочинений Аристотеля, в испанском переводе Патрисио де Аскарате, выше цитированную классификацию Аристотеля искажают, подменяя в ней слово «демократия» словом «демагогия». В дальнейшем тексте перевода прибегают к этому же приёму, но иногда переводчик невольно путается и употребляет одновременно и то и другое слово. (По этому поводу испанский философ Хулиан Мариас отмечает, что этот перевод «научно не имеет никакой цены».)

Вообще демагогия не есть форма государственности, не есть ни «кратия», ни «архия». Демагогия есть способ (приём, метод, следствие, по-гречески «гигномена»), присущий двум плохим режимам: демократии и тирании: «Все приёмы крайней демократии присущи также тирании... Поэтому лстеца ценят в обоих режимах, в демократиях — демагога, потому что демагог — это лстец демоса» (1313 в). В другом месте Аристотель отмечает: «Итак, всякий демагог продвинулся постепенно к теперешней демократии» (1274 а).

Несмотря на все эти недвусмысленные определения самого Аристотеля, их переводят, прибегая к грубым подтасовкам и к простой подмене одних слов другими, только лишь для того, чтобы выгородить демократию из числа режимов, определённых Аристотелем как плохие.

Примеч. ред. Научная традиция различает у Аристотеля демократию и охлократию. Демократия — неправильный строй, искажённая форма политики; Аристотель считал её наиболее сносной на фоне других неправильных форм правления (тирания и олигархия). Охлократия (от «толпа» и «власть») — вырожденная форма демократии, основанная на меняющихся приростах толпы, постоянно попадающей под влияние демагогов.

² Перевод с испанского на русский язык сделан автором этой статьи.

³ Цитаты из книги В. Гейзенберга «Физика и философия» приводятся в переводе на русский язык с аргентинского (испаноязычного) издания.

⁴ В современной речевой практике афоризм обычно приписывается Гегелю, реже — Канту.